

К Р О К О Д И Л

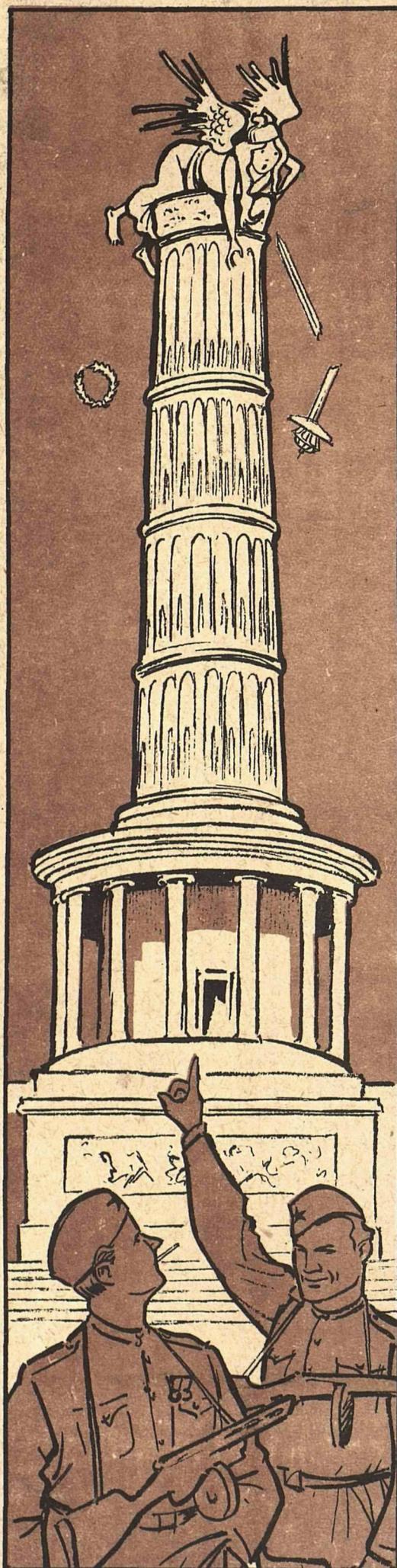
Рис. Бор. Ефимова.

— Всю-то я вселенную проехал!..

ВОПЛЬ БЫВШЕЙ СТАТУИ ПОБЕДЫ

(Берлинские зарисовки)

Рис. Б. Клипча.

— Помогите сойти!

ХОРОШИЙ СМЕХ

ЧЕТЫРЕ года назад, 22 июня 1941 года, немцы вторглись в нашу землю.

Они шли, ехали, летели сплошной неоглядной массой, они распевали свои похабные марши, они кричали своё погромное «хайль», и из разинутых ртов на всю Европу вырывался грубый смех, подобный ржанию.

Немцы смеялись, предчувствуя скорую победу, богатую добычу, новый триумф.

Это был нечеловеческий смех. Они ржали, гоготали, хрипели, визжали. От этого смеха у людей цепенела душа. Тогда, четыре года назад, во всей Западной Европе царил молчание кладбища. Люди застыли в отчаянии и горе. Немцы смеялись своим ужасным смехом.

Гримаза дикого злорадства была на лице Гитлера, похожем на отвратительную маску. Хихикал Геббельс. Кольхалось от смеха брюхо Геринга.

В Советской стране, на русских равнинах, впервые оборвался смех немцев. Они встретили народ, который не испугался, не застонал, не расплакался.

Нас не смутило гитлеровское ржание. Мы знали, что хорошо смеётся тот, кто смеётся последний. Мы знали, что смеяться будем последними мы. Хорошо будем смеяться!

Прошло четыре года. Миновали тяжкие годы. На советской улице великий праздник!

Молчит в тяжком раздумье побеждённая Германия. Её недавние повелители кто уже издох, кто ждёт позорной смерти. Хорошо смеются в Германии наши герои-богатыри, славные наши красноармейцы. На улицах Берлина, в его пригородах слышна весёлая советская гармошка, звучат чудесные русские, украинские, грузинские песни.

От этого советского смеха светлеет вся Европа. Хороший это смех, человеческий, полный добродушного юмора! Не знали до сих пор народы Европы такого смеха: только в свободной стране, у сильного и умного народа мог он родиться.

Не всем иностранным политикам нравится эта спокойная, уверенная, дружелюбная улыбка на лице советского человека. Что поделаешь, на всех не угодишь! Народам Европы положительно нравится советский человек, с его добродушием уверенного в своей силе победителя. Хорошо иметь своим другом такой сильный и такой весёлый народ.

Хорошо смеётся тот народ, который хорошо борется за правое дело. Вот поэтому советский народ последним смеётся в войне, первым смеётся в творческом труде.

★

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

МАДРИД. Франко-французские отношения продолжают развиваться в прежнем направлении. Франция продолжает требовать выдачи военных преступников, Франко продолжает поить их шампанским.

ВАРШАВА. В Польше арестован начальник лагеря смерти в Майданеке Пауль Гоффман. Арестованному обещано в самом ближайшем будущем свидание с его непосредственным начальником Гиммлером.

ПАРИЖ. Издающаяся во Франции для польских эмигрантских войск газета называется «Ворцимы» («Возвратимся»). Название «Возвратимся», очевидно, относится к тому, что редакция из номера в номер возвращается к анти-советской клевете.

БУЭНОС-АЙРЕС. Недавно здесь открыт клуб писателей и журналистов. В клуб беспрепятственно попадают только прогрессивно настроенные и антифашистские деятели печати. Все реакционеры остаются за его стенами.

Клуб оборудован усовершенствованными замками, железными решётками на окнах, вывеской «Центральная тюрьма» и обеспечен усиленным штатом надзирателей. Наднях сюда заключено более тысячи писателей и журналистов.

НЬЮ-ЙОРК. Известный болдуин американской печати мистер Болдуин спешно распродаёт заготовленные впрок военные обзоры, предсказывающие победу германского оружия. Ложный товар продаётся со значительной скидкой. Поступили также в продажу свежие анти-советские инсинуации.

ЧЕРЕПКИ

На уборке работает Вилли. Немец взялся всерьёз за дела, Мерно шаркает в облаке пыли Возле тёмного дома метла.

Выметает обрывки журнала, Всякий хлам, штукатурки куски, И тряпьё, и осколки бокала — Бледнорозовые черепки.

Вдруг он видит: проносится близко Вереница советских машин. Немец смотрит и, кланяясь низко, Превратится готов в сахарин.

А затем, торопливо, германец Вновь метёт, перепуганный, злой. И танцуют затейливый танец Черепки под усердной метлой.

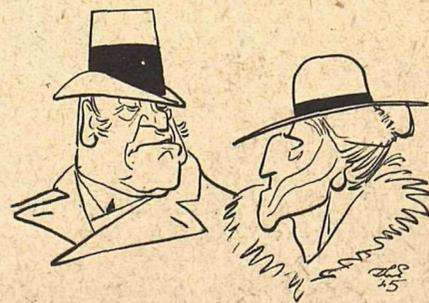
Ждать не может, спешит подметала, Серой пыли вздымая волну, И звенят черепки от бокала, Из которого пил за войну.

Влад. ИВАНОВ.

Германия.

ПАНСКИЕ НЕБЫЛИЦЫ В ЗАМОРСКОЙ СТОЛИЦЕ

Рис. К. Елисеева

— Скажите, леди, любите ли вы сказки Андерсена?

— Нет, я предпочитаю сказки Андерса.

Когда норвежский писатель Кнут Гамсун открыто стал квислингвцем, бывшие почитатели его таланта выразили ему своё презрение весьма своеобразным способом: они повсюду собирали книги Гамсуна и посылали их почтой автору без единого слова объяснения.

Маленькое почтовое отделение городка, где жил Гамсун, было так завалено ежедневно прибывавшими бандеролями, что пришлось вдвое расширить штат.

Рассказывают также, что на одном аукционе продавалось роскошное издание полного собрания сочинений Гамсуна в великолепных переплётах и с его личным автографом. Оно было продано с первого удара молотка за сумму, равную четверти американского доллара. Купивший сразу же отправил посылку Гамсуну.

В МОНАСТЫРЕ

В 1942 году английский лётчик совершил вынужденную посадку в Бельгии и был укрыт настоятельницей женского монастыря. Она привела его в монастырскую обитель, дала ему одежду монахини и сказала:

— Держитесь как можно незаметнее, ни с кем не разговаривайте. Рано или поздно мы найдём способ переправить вас в Англию.

Восемь недель лётчик ни с кем не разговаривал, брился несколько раз в день и вёл себя тише воды, ниже травы. Но однажды в уединённой аллее монастырского сада он заметил хорошенькую молодую монахиню и, подчиняясь внезапному неодолимому импульсу, схватил её в объятия. В следующий момент он покотился, сражённый мастерским ударом в челюсть, и монахиня сказала баком исполголоса:

— Но, но, веди себя приличней, волжжит! Я здесь с самого Дюнжерка.

Заклочительная глава.

Потолок и палец

О ДИН Херст сказал другому:

— Сын мой! Наконец, мы одни.

Херст-младший маленько туповат. Отец об этом подробно информирован. А посему он счёл за благо разъяснить свою мысль:

— Была у Геббельса газета «Дас рейх». Сейчас — ни рейха, ни Геббельса. Был и «Ангрифф», и был Лей. Сейчас — ни того, ни другого. Была газета и у Гимmlера. Сейчас — ни Гимmlера, ни газеты. Правда, есть ещё у нас в Америке заведение Мак-Кормика; старым барахлом и коричневой халвой торгует в Турции Ялчин; что-то там гнусавят накрашенные шведские «бладеты». Но, сын мой, всё это товар второго и третьего сортов. Никто не может конкурировать с нашей, херстовской нечатыю.

— А откуда, отец, мы черпаем информацию?

— Наша фабричная марка — потолок и палец. Самые достоверные источники. С потолка берём цифры. Из пальца высасываем факты. Понял?

— Понял.

— Мы с твоей матерью решили, что тебе уже пора начать самостоятельно врать. Ты уже не младенец. Сколько тебе лет исполнилось?

Херст-младший поднял голову, внимательно осмотрел потолок и чётко ответил:

— Мне исполнилось ровно четыреста семьдесят два года.

На лице отца появилась довольная улыбка:

— Несколько преувеличено. Грубовато. Но для начала недурно... Ну, мне пора в редакцию. Который час?

Сынок взглянул на потолок:

— Половина двадцать девятого...

— Правильно. Типично для Херста. Потолок, мой сын, ты уже освоил. Сейчас пройдем высасывание фактов из пальца.

— Слушаю.

— Сегодня к вечеру сочини корреспонденцию о положении в Будапеште. Укажи, что русские расстреляли всех жителей венгерской столицы, всех до одного.

— А если сами венгры будут опровергать?

— А мы напечатаем, что все жители Будапешта подтверждают, что русские расстреляли всех жителей Будапешта. Понял?

— Понял.

— Составь также заметку о Борнхольме. Напиши, что большевики перевозят этот датский остров к себе в Россию.

— Какой идиот поверит этому?

— Обыкновенный. Он всему верит. На него мы и работаем. Понял?

— Понял.

— Дальше. Напиши статейку о предстоящем в России солнечном затмении. Надо подчеркнуть, что при советской власти ежемесячно бывают затмения и что каждое затмение длится недели две. Сумеешь?

— Ничего особенного. Такую статейку каждый дурак напишет.

— Тогда юна и тебе удастся. Понял?

— Понял.

— А теперь подымись наверх и приведи сюда маму. Я ей расскажу о твоих первых успехах.

— Иду...

Не прошло и пяти минут, как в кабинет Херста-старшего вбежал Херст-младший, встревоженный, взъёрошенный:

— Отец! Случилось несчастье! Мать упала с балкона и разбилась.

— Браво! Чудесно!

Херст-старший, потирая руки, прошёлся по кабинету. Затем остановился перед сыном:

— Но всё же, мой сын, ты ещё не полностью овладел моим методом. Надо было сказать, что русские агенты подпилили балкон — мама упала и разбилась. Вот как должен делать газетную информацию настоящий Херст! Понял?

— Нет, не понял. У меня не информация. Мама действительно упала с балкона и разбилась!

— Что?! — побледнел старый Херст. — Упала? Откуда?

— Из пальца! — ответил сын и весело засмеялся.

Г. РЫКЛИН

В НЕЙТРАЛЬНОМ МАДРИДЕ
(Зарисовка с натуры)

Рис. И. Семёнова.

Дейчланд, дейчланд ибер аллес... И никаких испанцев!

Благодарный зритель

ДИРЕКТОР Энского драматического театра Антонов, проходя по главной улице, вдруг остановился и долго всматривался в рослого человека с румянцем во всю щеку и густыми светлыми усами. Человек сидел в «виллисе» и сосредоточенно читал газету.

— Борисов! Коля! — закричал Антонов и побежал к машине.

Человек с большими усами поднял глаза и широко улыбнулся:

— Здорово, Антонов! Вот уж действительно, сколько лет, сколько зим!

Они обнялись, и минут через пять старые приятели знали всё друг о друге. Борисов, оказывается, был директором завода. Когда немцы напали на нашу страну и завод был разрушен, он ушёл к партизанам и полтора года воевал в тылу у немцев.

— Чего только не нагляделся! — сказал, поглаживая усы, Борисов. — Книгу, а то и две написать можно...

Расставаясь с приятелем, Антонов сказал:

— Приходи, Коля, сегодня в театр, идёт новая пьеса. Играет Луговой — отличный актёр. Непременно приходи. Прямо в директорскую ложу. Жду!

— А что ж, приду, — подумав, сказал Борисов, — я здесь в командировке. Непременно приду.

Вечером Борисов пришёл в театр. Его ждали и проводили в ложу.

В первом антракте директор театра Антонов ворвался в уборную артиста Лугового. Луговой играл эсэсовца, обер-лейтенанта, и как раз в эту минуту превращал свою, в общем симпатичную наружность в мерзкий образ гитлеровца.

— Дорогой мой, — с волнением начал Антонов, — сегодня тебя смотрит Борисов, начальник партизанского отряда, своими руками уничтожил семьсот гитлеровцев... Благодарнейший зритель, ты бы посмотрел,

как он хохотал в первом акте, когда куралесил комик Кузовков!.. Восприимчивая натура, не то, что другие. Он в моей ложе сидит.

— Видел, — подклеивая парик, сказал Луговой, — я его в щелочку занавеса рассмотрел. Симпатичный парень!

В эту минуту раздался второй звонок, и Антонов убежал в директорскую ложу.

— Ты за Луговым следи, — советовал Антонов Борисову, — он, брат, докажет! Он со второго акта эсэсовца играет. До чего хорош!

Тем временем начался второй акт. На сцену вышел немецкий обер-лейтенант в чёрном эсэсовском мундире. Даже Антонов был изумлён: так удачно было перевоплощение артиста. Высокомерие, наглость и тупость так и лезли из эсэсовца. Бывший командир партизанского отряда насторожился, выдвинулся из ложи и так подался вперёд, что даже стул под ним заскрипел.

Однако то ли настроенные у актёра упало, то ли он плохо почувствовал себя, но финал акта явно не удался артисту. Он понёс околесицу и, бормоча что-то, вроде «извиняюсь... пока... минуточку», раньше времени покинул сцену.

В ту же минуту Антонов побежал за кулисы: там, окружённый артистами, стоял, весь бледный, Луговой.

— Ну, спасибо — простонал он, увидев Антонова. — Я женат, у меня, возможно, будут дети... Я помирать несогласен!

— Одну минуточку... в чём дело?

— А в том дело, птичка моя, в том дело: только я начинаю монолог, ненароком глянул в ложу, вижу: сидит ваш партизан, весь белый, глядит на меня волком и правой рукой в задний карман лезет... У меня язык к гортани прирос! Нет, уж спасибо вам с вашими благодарными зрителями!

— Позволь, позволь, — возразил Антонов, — вполне возможно: человек нервный, не может равнодушно видеть гитлеровца, своего рода условный рефлекс.

— «Условный рефлекс!» А как он с этого самого рефлекса засадит мне пулю в лоб? Нет, птичка моя, мне жизнь дорога.

Вот вернулся я с войны —
 Нету у меня жены.
 Все вы мне на этот случай
 Посочувствовать должны.
 Не за то, что свято место
 Я вакантным берегу,
 А за то, что я невесту
 Долго встретить не могу.
 И не то, чтоб я такой
 Исключительно плохой,
 Совершенно неспособный
 Смутить девичий покой.
 Я не стар, как говорят,
 И не то, чтоб глуповат,
 Красотой не отличаюсь:
 Нос чуть-чуть великоват,—
 Но ведь я встречал женатых
 Даже более носатых.
 Так что, видимо, не в нос
 Упирается вопрос.
 Значит, если я жених,
 Дело не во мне, а в них.
 Про кого писали столько
 Пьес, поэм, стихов и книг!
 Есть Ромео, а Джульетт
 Для него, выходит, нет?!
 Может, девушек нехватка
 И сошёлся клином свет?
 Может, все нехороши,
 Может, нет у них души,
 И красавицы у нас
 Все повывелись сейчас?
 Вздор, конечно! Ерунда!
 Чепуха! Не в том беда.
 Что касается красивых,
 Надо их искать в России.
 Ни Париж, ни Бухарест
 Не дадут таких невест.
 Что до умных и пригожих,—
 Их ищите дома тоже.
 Милых, храбрых, боевых
 И во всём передовых.
 Значит, кто же виноват,
 Что я всё же не женат?
 Вот вернулся я с войны —
 Нету у меня жены.
 Отыскать мою невесту
 Все вы мне помочь должны.
 Я не гордый, без чудачеств,
 Но храню свою мечту:
 Не ищу особых качеств,

Но любовь и верность чту,
 Ум, весёлость, постоянство
 (Можно чуточку жеманства)
 И, конечно, блеск очей
 С их лукавым женским светом...
 Это — главное. При этом
 Не забудем мелочей.
 Пусть уста нежней коралла,
 Пусть в глазах бездонный мрак...
 Чтoб в трамвае не орала
 Пассажиру: «Сам дурак!»
 Пусть от шутки встрепенулась,
 И в глазах весёлый свет...
 Но чтоб скромно улыбнулась,
 А не ржала мне в ответ.
 Пусть изяществом фигуры
 Отличается она,
 Но на улице аллюром
 Отличаться не должна,
 Потому что для красотики
 (Все мужчины будут «за»)
 Лучше плавная походка,
 Чем вприпрыжку, как коза,
 Пусть девчоночки привычки,
 Юность пусть берёт своё,
 Но, чтоб имя, а не кличка,
 Было всё же у неё.
 Чтoб не Веркой и не Лёлькой
 Представлялась мне она,
 Я не Васька и не Колька —
 Мне фамилия нужна.
 Чтoб она краснеть умела,
 Даже глазки опускать,
 Чтoб умела спорить смело,
 А не знает,— так молчать.
 Чтoб, при самых модных
 шляпах,

Уважала маму, папу,
 И не только чтоб лису,
 Но и скромность чтоб к лицу!
 Чтoб небесное создание
 Отличалось воспитаньем...
 Вот, друзья, чего взыскую.—
 Отыщите мне такую.
 Постарайтесь! Отыщите!..
 Это будет сущий клад...

Впрочем, стойте! Подождите
 И за шутку извините:
 Я давным-давно женат!

М. СЛОБОДСКОЙ

— Беру на себя полную ответственность, — строго сказал Антонов, — можно сказать, беру на себя охрану труда. Играй вовсю, а я за ним пригляжу. Чуть что, — прямо за руку.

— Ну, тогда ладно, — сказал Луговой. — В таком случае давай занавес.

Антонов вернулся в ложу. Его друг как ни в чём не бывало сидел в кресле. Дали занавес, и он весь превратился в слух. Луговой вышел на сцену с опаской, но, поглядев в ложу и увидев Антонова, успокоился. Особенно хорош был Луговой в сцене опьянения, когда вся гнусность и мерзость душонки гитлеровца проявились в полной мере. Как раз в эту минуту Антонов услышал странный металлический звук и в испуге поглядел на своего друга. Борисов почти лежал на барьере ложи; правая рука была глубоко засунута в задний карман брюк, еще мгновение...

— Коля! — в отчаянии прошептал Антонов. — Ради бога, Коля, не надо! Это же театр, Коля...

Борисов вздрогнул и откинулся на спинку кресла. В эту минуту послышался прохот аплодисментов. Акт кончился. Громче всех хлопал в ладоши Борисов. Он даже выразил желание познакомиться с Луговым.

— Хорошо! — говорил он, пожимая руку артисту. — До того верно передаёшь нутро этих подлецов! Ты когда в следующий раз играешь? Сам приду и товарищей приведу!

— Дорогой мой, — слегка заикаясь, сказал Луговой, — ну, зачем же? Ей богу, ничего интересного, и настроение у меня будет не то!

— Ну, как хочешь, — с некоторой обидой сказал Борисов, — я, можно сказать, от души...

И он полез в задний карман. Луговой слегка побледнел и отодвинулся.

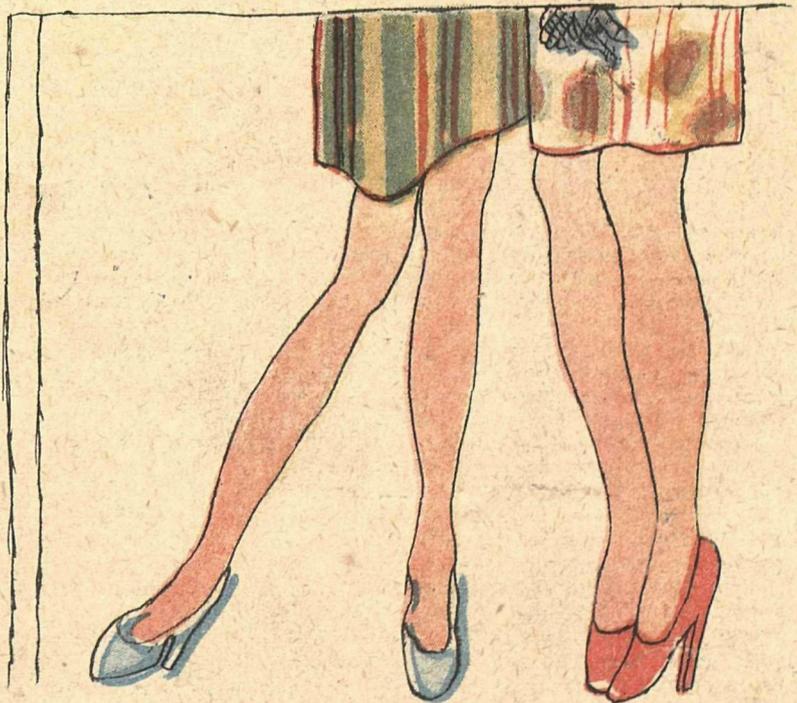
— Куришь? — продолжал Борисов. — На, закури «Гвардейские».

Он достал из заднего кармана большой серебряный портсигар, щёлкнул замком, открыл его и протянул Луговому.

— Портсигар... — оторопев, сказал Луговой. — Неужели портсигар?

— Дарёный, от военного совета, — добродушно пояснил Борисов. — Я, понимаешь, когда волнуюсь, всегда курить охота... И, где бы ни был, за портсигаром лезу. Уж очень ты меня разволновал — чуть в театре не закурил. Хорошо, Антонов вовремя остановил...

Л. НИКУЛИН

— Фи!.. Какая безвкусица!..

В глухой, полночный час
Один Поэт стал призывать Пегаса.
Услышал этот зов Пегас
И прискакал с Парнаса.
— Послушай, добрый конь, — сказал ему Поэт, —
Ты служишь мне немало лет,
А толку от тебя, я вижу, нет и нет:
Что я ни напишу, за всё меня ругают,
Ни песен не поют, ни басен не читают.
В чём дело? В чём секрет?
— Изволь, — сказал Пегас. — Меня манит полёт,
Безудержный галоп за мыслью вдохновенной!
Я Пушкина знавал. Вот был ездок отменный!
Как вспомню я о нём, так, право, дрожь берёт.
А ты свои стихи строчишь в часы досуга,
И вот уже который год
Сидишься на меня всё задом наперёд
И трусишь без конца всё по тому же кругу!
Ну, что ж, поехали? Уж солнышко встаёт.

Наднях прочёл стихов две тощие тетрадки —
Как видно, наш поэт не изменил посадки!

Сергей МИХАЛКОВ

Вверх тормашками

ОСЕНЬЮ «Эрмитаж» закрывается. Весной он опять открывается. В этом чередовании закрытий и открытий столько же неожиданного и сенсационного, сколько в регулярных заходах и восходах солнца.

Но руководители эстрадного дела каждый раз воспринимают начало сезона как катастрофу, как снег, свалившийся на голову в Сухуми. Правда, в марте или апреле, обычно всё очень ясно и безоблачно.

— Ну, как дела в «Эрмитаже»? — спросил я директора эстрадного театра, как-то столкнувшись с ним ранней весной.

— Прекрасно! — воскликнул он, жизнерадостно поблёскивая глазами. — Уже составлены все четыре программы!

Директор всю зиму сосал лапу в ВГКО и выполз только с первым весенним солнышком, а поэтому юн бодр и брызжет силой, как медведь после спячки.

— Художественным руководителем летнего сезона назначен Леонид Утёсов, — радостно сообщил он. — Кроме того каждая программа имеет своего художественного руководителя: Райкин, Смирнов-Сокольский, Милов и Дарский и Илья Набатов. Итого — шесть художественных руководителей. В шесть раз больше, чем в Большом театре!

Директор замолчал, наслаждаясь эффектом, который произвело его сообщение, а потом продолжал:

— Но это — не всё. Художественными руководителями программ и художественным руководителем сезона в свою очередь руководит художественный руководитель ВГКО Ильин, а им — начальник ВГКО Преображенский, без которого не решается ни один вопрос, касающийся «Эрмитажа».

У меня даже закружилась голова от такого изобилия руководителей и мелькнуло тревожное воспоминание о каком-то бедном ребёнке, который остался без глаза из-за семи нянек.

— А кто будет открывать сезон? — спросил я, не желая охлаждать оптимизм директора.

— Аркадий Райкин.

— Программа уже намечена?

— Намечена? — обиделся директор. — Почти готова. Масс с Червинским уже подписали договор. Осталось только написать репертуар.

— Значит, всё дело теперь в хорошей погоде?

— И хорошая погода будет! Есть указание Комитета по делам искусств. Из пустыни Сахара вызван антициклон, несущий горячие массы тропического воздуха.

На прощание директор бодро рванул мою руку и пригласил зажаковать.

Скоро в газетах появились доверчивые заметки, которые всерьёз рассчитывали не только на мощный косяк художественных руководителей, но и на антициклон, специально вызванный из пустыни Сахара.

Следующая наша встреча с директором произошла 25 мая. Он заметно осунулся и потерял весенний, оптимистический блеск глаз. Холодный дождь пополам со снегом хлестал свежеекрасенный забор сада, а шквальный ветер рвал афишу, извещающую о том, что открытие «Эрмитажа» отложено.

— Ну, как у вас дела? — участливо спросил я. — Райкин начинает?

— Какой там Райкин?! У вашего Райкина ничего не готово! Работает в Парке культуры и отдыха со старым репертуаром.

— Позвольте, он же назначен художественным руководителем первой программы?

— Вспомнили! — махнул рукой директор. — Давно уже никаких художественных руководителей программ нет. Отменили.

— Значит, всем руководит Леонид Утёсов как худрук сезона?

— И Утёсова нет. Отказался.

— Ага, тогда сам Ильин?

— И Ильина нет: переброшен в репертком. И Преображенского нет: переброшен в Мосфильм. И прежнего плана нет, переброшен в корзину.

— Что же теперь будете делать? — поинтересовался я.

— Возьмём номера, какие есть под рукой, и сколотим открытие...

Про антициклон, специально вызванный из пустыни Сахара, я уже не рискнул спросить. Должно быть, и его куда-нибудь перебрали. В саду «Эрмитаж» буянил циклон и, судя по обильному снегу, он принёс массы не пропического, а арктического воздуха.

На открытии сезона ко мне подошёл один работник музыкального управления Комитета по делам искусств и победным голосом спросил:

— Ну как?

— Есть номера хорошие, есть средние, есть плохие. А в целом такое впечатление, что оригинальная идея создать эстрадный театр в «Эрмитаже» возникла у вас внезапно и была осуществлена, как штурмовое задание.

Кажется, он принял это за комплимент.

— А всё-таки какие номера выделяются в программе?

— Фельетон Смирнова-Сокольского. Это — лучшее, что сделал лучший сатирик эстрады за последние годы. Очень понравился Илья Набатов. Мастер и, если можно так выразиться, «воскреситель» благородного жанра куплетов.

— А Милов и Дарский?

— Увы, любимые мрсквичами конференсье на этот раз мало их порадовали.

— Да, но они же приготовили весь конференсье буквально за десять дней! — вступился собеседник.

— А зачем было готовить конференсье буквально за десять дней, если времени было буквально полгода?

Работник музыкального управления нервно передёрнул плечами:

— Поймите: Милов и Дарский должны были выступить в четвёртой программе. Когда же всё полетело вверх тормашками, им пришлось...

— А почему у вас каждый раз перед открытием сезона всё летит вверх тормашками?

Кстати, в тот же самый вечер мы имели возможность лично наблюдать, как вверх тормашками полетел целый оркестр с дирижёром, контрабасами, мелодиями и барабаном.

Оркестр под управлением Островского играл так, что многие с грустью вспоминали те патриархальные времена, когда зритель, отправляясь в концерт, на всякий случай запасался тухлыми яйцами.

В антракте какой-то неистовый правдолюбец попытался высказать дирекции своё мнение о только что прослушанной симфонии-какофонии, но был прерван:

— Уже!

— Что уже?

— Уже уволен.

— Кто уволен?

— Оркестр.

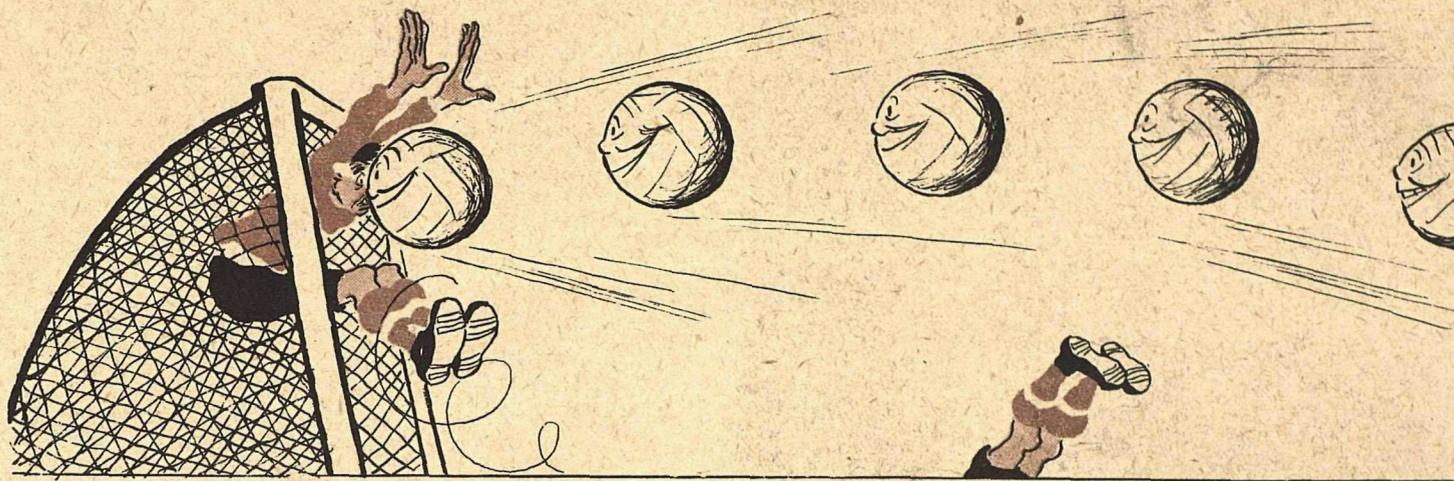
— Весь оркестр уволен?

— Весь оркестр под управлением дирижёра Островского.

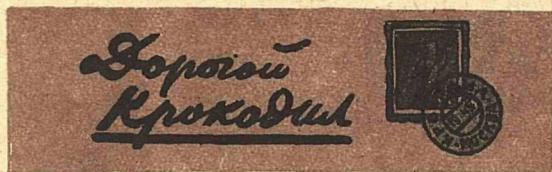
Готовиться 6 месяцев, иметь 8 худруков, устроить 10 просмотров, созвать 15 совещаний, дать 20 интервью и, в конце концов, уволить в антракте на втором спектакле весь оркестр потому что он не умеет играть!

Умира, фельетонист, смешней не придумаешь!

Евг. БЕРМОНТ

5-й МЯЧ: — Кто последний? Я — за вами!..

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

Началось с того, что в городе появилась афиша. На ней талды-курганцы с удовольствием прочли, что 1 мая областной драматический театр впервые показывает пьесу «Так и будет». Заинтригованные узнать, что же будет, граждане толпой ринулись на спектакль.

Когда зрительный зал набился доотказу, вышел директор театра и, откашлявшись, объявил:

— Ввиду болезни ведущего актёра спектакль отменяется и будут танцы.

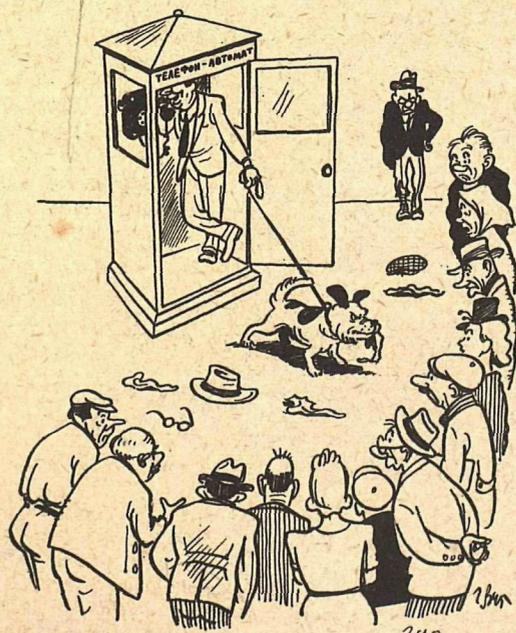
Но в это время из зала раздался нетвёрдый голос:

— Неправду он говорит! Я здоров... ик! Но играть не могу... ик! Потому как ради праздничка малость вышил!..

Тут задвигались стулья, раздались звуки

НА 20-й МИНУТЕ

Рис. Г. Валька.

Собака — друг человека.

настраивающихся инструментов, и в общем шуме инцидент был замят.

Затем 6 мая была повторена попытка показать «Так и будет». И действительно так и было, как в первый раз. Снова были танцы. Потому что часть труппы принесла искусство в жертву выпивке и закуске.

Неужели так и будет продолжаться, и нам так и не удастся посмотреть «Так и будет»?!

А. КУЗНЕЦОВА,
ПОНАМАРЧУК

г. Талды-Курган,
Каз. ССР

Дорогой Крокодил!

Остались на старости лет Марья Андреевна и Яков Савельевич Савельевы одни-одинёшеньки.

Правда, есть у них дети, но по воле финансовых организаций Вышнего Волочка оказались почтенные старички вроде как бездетными. Не то чтобы с отпрысками случилось какое несчастье, боже сохрани!.. Все они здоровы и невредимы. Просто-напросто получили Марья Андреевна и Яков Савельевич повестки об уплате налога за... бездетность.

— Позвольте, а четверо сыновей, которые находятся в армии, да взрослая дочь! Разве этого мало! — завопили папаша с мамашей.

— Может быть, и достаточно, — сухо сказали в горсовете, — но ведь их с вами нет. Значит, бездетные. Платите, нечего отлынивать.

С тем и ушли «бездетные» Савельевы, вспоминая своих дорогих детей.

НИКАНОРОВ,
ст. лейтенант

г. Ярославль.

Уважаемый Крокодил!

В какой степени может тебя заинтересовать прошлогодний табель-календарь? Молотовское творческо-кооперативное издательство «Всекохудожник» выпустило этот календарь тиражом в 50 тысяч экземпляров.

Как-то так случилось, что этот календарь не нашёл себе покупателей. Щучье-Озёрский райпотребсоюз решил продвинуть всё-таки в массы прошлогодний календарь.

И продвинул! Вместе с банным мылом! Хочешь мыло, бери календарь!

Пишу я тебе это письмо, и горькое чувство зависти так и гложет меня: почему в других потребсоюзах председатели, как председатели, а вот в Щучье-Озёрском районе председатель потребсоюза Богуславский вроде как принудительный ассортимент.

И, судя по его работе, пользы от него, как от прошлогоднего календаря.

А. ЯЩИВ

Чад, Молотовская область.

И ЩУКУ БРОСИЛИ В РЕКУ...!

Директор Челябинского механико-машиностроительного института Хмельницкий незаконно получил из орс института 102 метра хлопчатобумажных тканей, 22 метра шерсти и драпа, 3 дамских жакета и 105 других вещей.

Тот же Хмельницкий, чтобы скрыть свои преступления, незаконно использовал 40 промтоварных карточек, полученных для студентов.

Тот же Хмельницкий незаконно выдавал промтовары лицам, не работающим в институте.

За всё это Наркомат госконтроля объявил ему выговор. До глубины души тронутые подобным великодушием, студенты занялись подсчётами. Если за вышеперечисленные преступления полагается лишь выговор, то что должен похитить Хмельницкий, чтобы быть преданным суду?

И, подчитав, пришли студенты к выводу, дело иприскорбным. Ибо следующее дисциплинарное взыскание — строгий выговор. А пока назначат ещё одну ревизию и пока вынесут этот строгий выговор, Хмельницкий успеет очистить все склады институтского орс.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ
КРОКОДИЛА РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ
«ЗА ТРУДОВУЮ ДОБЛЕСТЬ».

КАМПАНИЕВСКИЙ УПРАВДОМ

Рис. В. Фридриха.

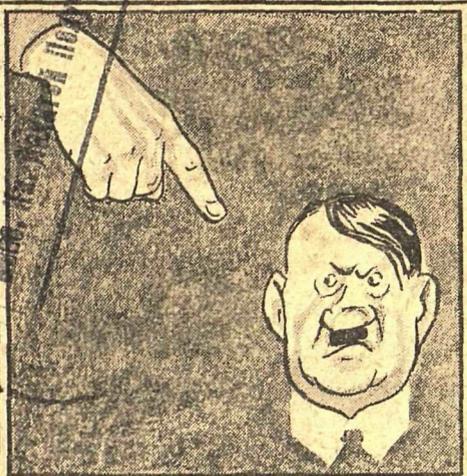
— Куда же, наконец, выбросить мусор?
— Потерпите немного. Вот окончится месячник чистоты и будете опять всё выбрасывать на улицу.

МОЙ ВОЕННЫЙ ОБЗОР

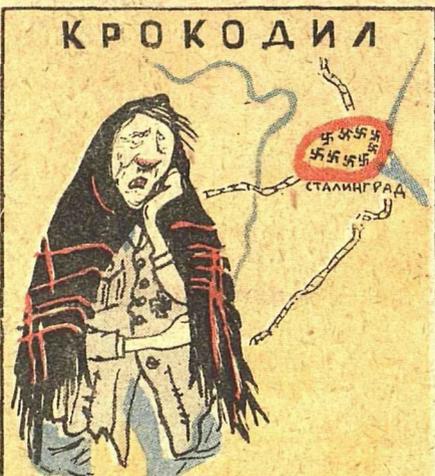
22 ИЮНЯ 1941 г. — 22 ИЮНЯ 1945 г.

В июне 1941 г. Крокодил давал голову (не свою, конечно, а Гитлера) на отсечение, что фашистская Германия будет разгромлена. События последующих лет (см. наш военный обзор) подтвердили, что Крокодил не зря рисковал головой (Гитлера, конечно, а не своей). Спустя четыре года мы можем с удовлетворением сказать, что фашистская «третья империя» разбита наголову... вернее, — на головы (Гитлера, Геринга, Геббельса, Гимmlера, Гудериана, Рундштедта и т. д. и т. д.).

Даём эту голову на отсечение, что гитлеризм будет уничтожен.

(Июнь 1941 г.)

ПОПУЛЯРНАЯ РУССКАЯ ПЕСНЯ — Потеряла я колечко!.. (А в колечке 22 дивизии).

(Декабрь 1942 г.)

НЕРАСТОРОПНЫЕ СЛУГИ — Чорт знает что! Столько народу послал на Кавказ за нефтью, а обратно ни нефти, ни народу!

(Февраль 1943 г.)

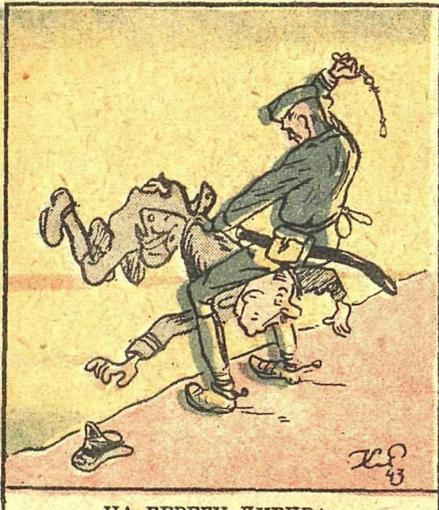

— Боже мой! Во что превратился наш фриц!
— Помилуйте, два года воюем!

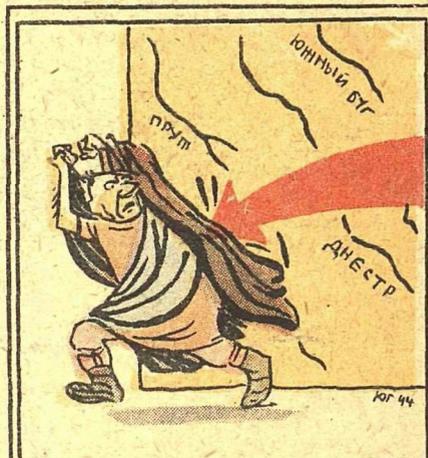
— Смотрите, каким орлом выглядит наш Сидоров!
— Помилуйте, два года воюем!

(Июнь 1943 г.)

НА БЕРЕГУ ДНЕПРА Запорожская сечь.

(Октябрь 1943 г.)

— И ты, Прут!..

(Апрель 1944 г.)

ГОДА БЛИЦКРИГА

(Июнь 1944 г.)

ПО ПУТИ — Эй, кому на Берлин?.. Подвезу!..

(Март 1945 г.)

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

(Май 1945 г.)

Учб.
Почт
В
С

22/12-45

26/12-45